

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Анатолия Александровича Майорова
«Социально-политическая история Верхнеокского (Верховского) региона с
VIII до середины XVI в.», представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 5.6.1 – Отечественная история**

Выдающиеся отечественные историки (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), рассказывая о процессе объединения русских земель в единое государство, излагали его, как правило, с позиций «москвоцентричности» – в виде процесса последовательного присоединения тех или иных территорий к Москве. Во многом это объясняется состоянием источников. Известно, что московские князья, тщательно оберегавшие собственный архив духовных и договорных грамот, достаточно равнодушно относились к документам своих соседей. Следствием этого стала, например, утрата новгородского архива времен самостоятельности, других княжеств и территорий, историю которых до момента вхождения в состав Русского государства приходится воссоздавать по известиям летописей или случайно сохранившимся актам. Все это приводит к известной фрагментарности наших знаний по истории отдельных регионов страны.

Данная проблема осознавалась исследователями уже в XIX в. В свое время известный историк В.Б. Антонович (1834–1908), профессор и декан историко-филологического факультета киевского университета св. Владимира, поставил перед своими студентами задачу написания работ по истории отдельных регионов Древней Руси. Многие из его выпускников позднее стали видными исследователями. Укажем на работы П.В. Голубовского «История Северской земли о половине XIV ст.» (Киев, 1881) и «История Смоленской земли до начала XV в.» (Киев, 1895); Д.И. Багалея «История Северской земли до половины XIV ст.» (Киев, 1882); М.В. Довнар-Запольского «Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII ст.» (Киев, 1891); В.Е. Данилевича «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст.» (Киев, 1896); В.Г. Ляскоронского «История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII ст.» (Киев, 1897); М.С. Грушевского «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст.» (Киев; Одесса, 1911). Судя по всему, известным толчком для появления этих работ стала книга Д.А. Корсакова (1843–1919) «Мера и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростовско-Суздальской земли» (Казань, 1872).

Все эти работы стали фундаментом для последующих исследований по истории отдельных регионов, из которых сложилась Древняя Русь. Но вятичам в этом плане не повезло. Если не считать работы Т.Н. Никольской «Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв.» (М., 1981), написанной прежде всего с точки зрения археолога и изданной более сорока лет назад, в литературе отсутствует цельный обзор истории этого региона начиная с его древнейших упоминаний.

А.А. Майоров постарался заполнить эту лакуну, расширяя хронологические границы исследования с VIII в. (начиная с характеристики дославянского населения этого региона) до XVI в. (вхождения данных земель в состав единого Русского государства). Это представляется вполне правомерным.

Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы.

Во введении (С. 4–41) дается общая характеристика работы. В значительной части она перекликается с содержанием автореферата, что, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку содержащаяся во введении характеристика предшествующих исследований отчасти повторяется в первом параграфе первой главы исследования, посвященном историографическому обзору темы диссертации (С. 42–69). Тем не менее, в целом можно согласиться с данным подходом, поскольку автор вынужден объяснять различные названия выбранного им региона, фигурирующие в различных исследованиях (Земля вятичей, Верхнеокский край, Верховские княжества). И хотя на первый взгляд, названия разные, речь, по сути дела, идет об одном и том же регионе, охватывающем бассейн верховьев Оки. Здесь же дается обзор источников, привлекаемых к исследованию (С. 18–32).

В первой главе исследования, как уже говорилось, рассматривается историография проблемы. Если не считать «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, то первой обобщающей работой стала изданная в 1862 г. работа Л.А. Кавелина «Церковно-историческое исследование о древней области вятичей...». Диссертант именует его иеромонахом (С. 44). Формально это верно: известный церковный историк, выйдя в отставку в чине капитана, 7 сентября 1857 г. был пострижен в монашество, 20 октября того же года рукоположен во диакона, 22 октября – во иерея. Однако в литературе он известен в первую очередь как архимандрит Леонид, будучи возведен в этот сан в декабре 1863 г. В этом году достаточно широко отмечается 200-летие со дня его рождения (1822).

В целом обзор историографии представляется исчерпывающим: характеризуются работы не только отечественных, но и польских историков. Это вполне объяснимо, поскольку верховские княжества являлись предметом соперничества между Москвой и Литвой. Особое внимание уделено археологическим исследованиям, внесшим значительный вклад в понимание территориальных границ вятичского региона.

Также в первой главе рассматривается физико-географическая характеристика региона. Она крайне важна для понимания условий жизни вятичей. Из «Повести временных лет» знаем, что вятичи расселились по Оке: их легендарный родоначальник «Вятко сѣде своимъ родомъ по Оцѣ, от него прозвашася вятичи». Нет сомнений, что киевский книжник – автор Начальной летописи никогда не бывал в земле вятичей. Отсюда его довольно пренебрежительный взгляд на них, в отличие от хорошо знакомых ему полян. Согласно летописцу, если «поляне бо своихъ отецъ обычай имяху тихъ и *кротокъ*», то «радимичи, и вятичи и северо одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже всякый звѣр, ядуще все нечисто». Однако, как показывает диссертант, перед нами необъективность составителя летописи (С. 108). За полосой лесов лежали многочисленные ополья (С. 73–78), плодородные почвы которых содержат до 10% гумуса. Именно «они, – подчеркивает соискатель, – стали основой для освоения этих земель в ходе славянской колонизации и расселения» (С. 75).

Еще одной проблемой стало определение границ исследуемого региона на разных исторических этапах. Хотя в целом они занимают одну и ту же территорию, границы мощинской археологической культуры, предшествующей вятичам, самих вятичей, верховских княжеств отличаются в ту или иную сторону. Здесь автору приходится прибегать не только к анализу археологического материала, но и применять историко-географический метод исследования.

Вторая глава диссертации посвящена началу славянской истории верхнеокских земель. Согласно археологическим наблюдениям, бассейн Верхней Оки

был заселен еще со времен палеолита. Что касается вятичей, им, как уже было отмечено, предшествовала мощинская археологическая культура. К сожалению, наши сведения о ней во многом предположительны. На основе топонимического материала говорят о «привязке» ее носителей к древним балтским этносам, потомками которых могло быть племя голядь, упоминаемое в XI–XII вв. в северной части региона. Отсюда высказывалось предположение, что в VI в. их знает Иордан под именем голтескифов либо голдов (колдов).

Остается непонятным соотношение преемственности представителей мощинской культуры и сменивших их вятичей. В частности, как указывает автор, для мощинской культуры был характерен обычай возведения курганов с сочетанием кремации. При этом мощинские курганы трудноотличимы от сменивших их вятичских (С. 97–98). Думается, что в этой связи целесообразно было бы рассмотреть уже выдвигавшуюся в литературе Т.И. Алексеевой точку зрения, что мощинская культура была связана с переселением на Верхнюю Оку славянского населения черняховской культуры, спасавшегося от гуннских погромов конца IV в. Впрочем, этот сюжет выходит за хронологические рамки диссертации и требует самостоятельного исследования.

В данной главе рассматривается славянская колонизация региона, маршруты перемещения вятичей. Судя по данным археологии, вятичи пришли сюда в VIII в. Вслед за Т.Н. Никольской диссертант согласен, что прежде всего они появились на верхней Оке. При этом он признает, что единого мнения о конкретных маршрутах перемещения сюда славянских переселенцев еще не выработано (С. 109). Думается, определенные указания на это могут дать данные гидронимики. Можно предположить, что путь на Верхнюю Оку лежал по Десне. В русском языке до сих пор известно архаичное слово «десница», обозначающее правую руку. Но, как известно, Десна является левым притоком Днепра. Однако для славян, поднимавшихся по реке, она находилась справа, что и дало название реке.

Гораздо больший интерес вызывает решаемый автором вопрос о первоначальной родине вятичей. Анализ имени их родоначальника Вятко, представляющего собой сокращение от славянского «Вячеслав», указывает на регион Чехии и Моравии как исходное место пребывания вятичей (С. 110–114). С этим следует согласиться. Вместе с тем, подчеркивая «весьма бурную военную и политическую историю тех земель в VIII–IX вв.» (С. 114), автор обходит молчанием – что явилось толчком для переселения вятичей со своей исторической родины. Думается, что это был аварский фактор.

Любопытными представляются выводы диссертанта о взаимодействии вятичей с жившими здесь балтскими племенами. Еще в XIX в. в историографии был выдвинут тезис об относительно мирном проникновении славян в угрофинскую среду. Практически нет сведений о конфликтах между ними. Уже позже выяснилось, что славяне и угрофинны занимали как бы разные «экологические ниши»: первые занимались преимущественно земледелием, вторые охотой и лесными промыслами. И только на крайнем Севере Европы (в Югре и Печоре), где новгородцы и местные племена добывали пушнину, летописи отмечают конфликты по этому поводу.

Для нас интересно то, что и вятичи и предшествовавшие им балты занимались земледелием. На первый взгляд, это должно было вызывать постоянные конфликты между двумя этносами. Однако сведения об этом отсутствуют. Причина этого, как указывает соискатель, выяснилась лишь в последние десятилетия. Все дело в разнице способов земледельческого освоения территории. Если

балты активно применяли лесную подсеку в качестве основного агротехнического приема, то славяне предпочитали пашенное земледелие. Отсюда разница в расположении их поселений: балты селились на песчаных ландшафтах, тогда как славяне ориентировались на черноземы вдоль рек (С. 123–124).

Другим важным аспектом истории вятичей является вопрос – являлись ли они племенем или племенным союзом? Он вытекает из простого сравнения географии западных и восточных славян. Если у первых внутри объединений, к примеру, ободритов или лютичей, письменные источники знают отдельные племена, которые явно входят в племенные союзы, то у восточных славян, судя по летописям, этого нет. Между тем автор указывает, что в исследуемом им регионе такие локальные группы существуют. Речь идет о волынцевской археологической культуре, верхнедонской группировке восточных славян. Однако, данные сюжеты только начинают исследоваться в литературе и являются предметом будущего изучения.

При этом диссертант явно склоняется к тому, что вятичи представляли собой племенной союз, о чем говорит название третьего параграфа данной главы: «Возникновение и становление вятического этнополитического объединения». В нем А.А. Майоров справедливо указывает на важную роль в становлении союза вятичей торговых маршрутов того времени, карта которых приведена в рис. 7 (С. 138). В целом на ней правильно указаны основные пути: «Из варяг в греки», Волжский путь. Определенное недоумение вызывает проложенный на карте по материалам Б.А. Рыбакова и его последователей путь из Булгара в Киев, известный по восточным источникам с начала IX в. (*Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Материалы и исследования по археологии СССР. 1969. № 169. Древности Восточной Европы. С. 189–196; Путь из Булгара в Киев. Сб. ст. Отв. ред. Халиков А.Х. Казань, 1992*). По их мнению, он являлся исключительно сухопутным, тогда как главные торговые магистрали проходили по рекам. Последующие исследования показали невозможность прохождения пути из Булгара в Киев сухопутным маршрутом (*Киреева К.М. Торговый путь от берегов Волги в Древнюю Русь через Верхнее Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 89–91*).

Выясняется, что данный путь, как и остальные, был речным. Он шел следующим образом. От Киева по Десне (притоку Днепра) поднимались до впадения ее левого притока Сейма (в его верховьях стоит Курск). Не доходя до Курска, шли по правому притоку Сейма Свапе. В свою очередь Свапа берет начало из обширного Самодуровского болота, в котором находится исток реки Очки (приток верховья Оки). Судя по сведениям краеведов, еще в конце XIX в. эта местность представляла собой мощное торфяное болото, расположенное в обширной низине и непересыхавшее даже в самое жаркое лето. Полагают, что прежде здесь находилось длинное зараставшее озеро шириной до 2 км. Затем путь шел вниз по течению Оки вплоть до ее слияния с Волгой, и далее ею до впадения в нее Камы, откуда уже недалеко было до Булгара. Благодаря тому, что на границе русских владений в 10 днях пути от Булгара и таком же расстоянии от Киева упоминается вятический город Вантит, появляется возможность локализовать его на месте позднейшего Колтеска, упоминаемого летописцем под 1146 г. в качестве крайней пограничной крепости Черниговской земли.

Неудивительно, что киевские князья стремились взять под свой контроль землю вятичей. Речь идет о походах Святослава и его сына Владимира. При этом диссертант не исключает того, что киевский князь добирался до Булгара

именно речным путем по Оке: «Иде Володимерь на Болгары съ Добрынею, съ уемь [дядей] своимь, в лодьях, а торьки берегомь приведе на коних» (С. 171).

Важным источником для изучения торговых маршрутов древности являются данные нумизматики. Но не со всеми выводами автора можно согласиться. Так на С. 171 он цитирует наблюдение А.А. Гомзина: «В самом конце X – начале XI в. происходит нарушение связи в торговле монетным серебром между Волжской Булгарией и славянскими землями Поочья». На его основе он делает предположение: «Иных объяснений, помимо вмешательства Рюриковией в дела вятичей и их управленческих структур, подобная ситуация не находит: либо начался активный и успешный сбор дани, что препятствовало накоплению дирхамов, либо значительно сократилась выручка за "обслуживание" маршрута из-за падения товарооборота».

Действительно, с начала XI в. восточное серебро на Оку более не поступает. Вместо этого с середины XI в. в древнерусских памятниках бассейна Оки (курганах, поселениях и кладках) появляются находки маленьких коромысловых весов и гирек. С этого же времени здесь начинают фиксироваться клады (в общей сложности 11 кладов) с серебряными денежными слитками, имевшими форму прямоугольных палочек, и известных по письменным памятникам XII в. как «гривны серебра». Формы слитков были стандартными, но вес их незначительно колебался от слитка к слитку. В этом плане показателен клад, обнаруженный в 1828 г. у Борисоглебской церкви в Рязани, содержащий 199 палочкообразных слитков весом от 188,32 г до 209,01 г. Именно для взвешивания слитков и были предназначены находимые весы и гирьки. Указанные изменения в составе кладов позволяют утверждать, что до середины X в. главными транзитерами на Окском пути являлись болгарские купцы, а затем после походов Владимира Святославича их сменяют русы, для которых была характерна другая денежная система.

Вятичи довольно долго (вплоть до начала XII в.) сохраняли свою автономию, о чем говорит «Поучение» Владимира Мономаха о его походах на вятичей против местного вождя Ходоты и его сына. Диссертант расценивает эти упоминания вятичей «в качестве самостоятельной и, фактически, откровенно независимой от Киева и Рюриковичей силы» (С. 178). Здесь он придерживается, вслед за Н.Ф. Котляром, тезиса о сохранении вплоть до последней четверти XI в. племенного княжения вятичей, которое было присоединено к Русскому государству только при Владимире Мономахе (С. 179).

На наш взгляд, данный вывод излишне категоричен. Отечественная история знает немало примеров, когда те или иные территории в составе Руси довольно долгое время сохраняли известную автономию и особенности управления. В период средневековья речь должна идти о Касимовском ханстве, романовских татарах. Подобные примеры видим и в Новое время: так, остзейские (прибалтийские) губернии вплоть до середины XIX в. обладали значительной автономией и до конца своего существования сохраняли часть отдельной от общегосударственной правовой системы. При этом никто не подвергает сомнению, что перечисленные территории входили в состав Русского государства. Что же касается вятичей, можно предположить, что эта особенность их автономии позднее сыграла свою роль в том, что позднее верховские князья «служили на две стороны».

Третья глава исследования посвящена нахождению верхнеокских земель под властью черниговских князей. Как справедливо указывает соискатель, процесс перехода земли вятичей под власть черниговского княжеского дома слабо отра-

жен в источниках (С. 209). Поэтому исследователь вынужден опираться прежде всего на археологические данные, а также следы черниговского и новгород-северского летописания, отразившиеся в дошедших летописных сводах. Составленная автором карта (С. 212) показывает заметное увеличение населенности района Верхней Оки в XI–XIII вв.

Что стало причиной этого? По мнению соискателя, ссылающегося на работу курского исследователя Е.В. Енукова, «после успешной киевской экспансии на восток от Днепра значительная часть носителей роменской культуры, явно ощущая негативное отношение новых властей..., вполне могли посчитать переселение на север (в частности, на Верхнюю Оку) меньшей проблемой, нежели пребывание под властью своих старых соперников» (С. 213). Но согласиться с этим предположением можно было бы, если указанный автор с цифрами в руках показал соответствующее уменьшение численности населения ареала роменской культуры.

В данном случае имеем дело с известным процессом миграции южнорусского населения, спасавшегося от почти ежегодных набегов половцев, в Северо-Восточную Русь. Следом этих перемещений является сходство названий городов Южной и Северо-Восточной Руси. Самым ярким примером являются три Переяславля – Южный, Залесский и Рязанский, стоящие все три на берегах рек Трубеж. Переселенцы на новом месте называли свои поселения привычными именами.

В Северо-Восточную Русь из Южной шли два основных маршрута: первый – по Днепру, затем через Вазузу на Волгу и далее на Клязьму, второй – по Десне, а затем по Оке до впадения Москвы-реки, Нерской с выходом на Клязьму. Именно со вторым маршрутом и было связано заметное увеличение заселенности Верхней Оки.

Достигая Северо-Восточной Руси, основной поток переселенцев стремился занять свободные земли. Это было и в интересах местных князей, заинтересованных в заселении своих владений. В этой связи диссертант указывает на наблюдение А.А. Юшко, отметившей по археологическим данным по течению Москвы-реки территорию, свободную от контроля соседних княжеств: Владимиро-Суздальского, Смоленского, Черниговского и Рязанского (С. 214). Примечательно, что наибольший сгусток топонимов с названиями, сходными с южнорусскими, приходится именно на территорию Подмосковья.

Считается, что территория Верхней Оки была закреплена за черниговскими Рюриковичами по решению известного Любечского съезда 1097 г. (С. 216). На наш взгляд это произошло чуть позже – по завещанию («ряду») Ярослава Мудрого, упоминаемому Лаврентьевской и Ипатьевской летописями, в котором князь предусматривал: «Святославу даю Черниговъ». Новгородский летописец уточнял, что Святослав получил «Черниговъ и всю страну восточную и до Муррома». Уже современниками «ряд Ярослава» признавался одним из важнейших документов Древней Руси, к которому вплоть до монгольского нашествия постоянно апеллировали кланы Мономашичей и Ольговичей.

Важным представляется отмеченное в работе появление на территории региона отдельных волостей. Как справедливо было отмечено в литературе, это свидетельствует о завершении процесса государственного освоения и окняжения этих земель (С. 224). В древнейшее время термин «волость» (от слова «власть») был синонимом целого княжения. Вся территория, находившаяся под властью князя, именовалась его волостью. Этим же термином можно было определить и отдельные княжеские село или слободу.

Автор намечает северо-восточные границы черниговских владений (карта на С. 228), правда, признавая их известную условность в силу малозаселенности (С. 229). Действительно, не представляется возможным провести точные границы в условиях очагового характера тогдашнего расселения, когда отдельные заселенные районы были окружены сплошными лесами. В этом плане особенно показателен случай, приводимый летописцем под 1176 г., когда в здешних лесах разминулись между собой две княжеские рати – одна вышла из Москвы, а навстречу ей другая из Владимира. Тем не менее, установление диссертантом хотя бы приблизительных рубежей Черниговской земли позволяет уточнить ее границы по сравнению с тем, что имеется в предшествующей литературе.

Также рассматривается процесс христианизации региона, отличительной чертой которого, по выражению автора, была «неспешность» (С. 234). Подобная картина с остатками языческих верований, двоеверием была характерна и для других окраинных районов Руси. И все же в конечном счете победа оказалась за христианством – свидетельством этого является трансформация погребального обряда (С. 241).

Затрагивается тема княжеских усобиц XII в. – достаточно типичного явления в то время. Для земли вятичей события 1146–1154 гг. важны тем, что летописи, описывая военные действия, упоминают множество городов этого региона, включая первое упоминание Москвы в Ипатьевской летописи под 1147 г. Это позволяет расширить наши представления об исторической географии региона.

Важным представляется вывод, сделанный на основе анализа археологического материала – о преемственности собственно вятичского и черниговского периодов истории региона (С. 258).

Четвертая глава диссертации посвящена истории верховских княжеств начиная с Батыева нашествия до конца XV в. Взятие Чернигова монголами в 1239 г. привело к фактическому переносу столицы княжества в Брянск и формированию новых уделов (С. 268).

Каков был статус русских земель после того, как по ним прокатилась волна завоевателей? Среди исследователей на этот счет имеются различные взгляды: одни полагают, что Русь вошла в состав Монгольской империи в качестве отдельного улуса, другие настаивают лишь на зависимости русских земель от Орды. Диссертант склоняется ко второй точке зрения, говоря, что «начался процесс включения элементов существовавших на Руси управленческих норм в качестве составных частей монгольской общеимперской административной лестницы методами их частичного инкорпорирования и целенаправленной адаптации на основе уже сложившейся ранее управленческой системы» (С. 271).

Диссертант обращает внимание на один любопытный аспект – родословцы традиционно возводят все верховские княжеские династии к потомкам Михаила Черниговского. Однако в литературе встречается точка зрения, что некоторые основатели здешних династий не принадлежали к его потомству. Автор приводит данные Ермолинской летописи о потомках Михаила Черниговского, среди которых был его второй сын Мстислав Карачевский и Звенигородский (С. 283). В свое время нами был проделан анализ родословия князей Звенигородских. В 1408 г. на Русь в свите литовского князя Свидригайло выехал князь Александр Звенигородский. В одном из рукописных сборников начала XVI в. сохранилось родословие, составленное правнуком Александра – Дионисием (в миру Даниилом Васильевичем) Звенигородским. Оно стало основой для всех позднейших. Полагая по правилу генеалогического счета в среднем по 30 лет на каждое поколение, можно предположить, что Александр Звенигородский, выехавший на

Русь в 1408 г., должен быть его потомком в шестом колене. Но в родословии Дионисия он значится потомком Михаила в пятом колене. Налицо ошибка и пропуск одного поколения. Историки (Р.В. Зотов, Г.А. Власьев) давно обнаружили эту неточность.

Ошибку удастся определить, привлекая известный Любецкий синодик. Ее причиной стало то, что нередко составитель родословцев объединял стоящие рядом одинаковые имена. В отличие от родословцев синодики являются более достоверным источником, поскольку они не преследовали цели «выгладить» те или иные «захудавшие колена. Сразу же после упоминания в Любецком синодике «великого князя Михаила черниговского Всеволодича, Святослава внука, и боярина его Феодора, не поколонивших солнцу и не ходивших около куста, убиенных от татар за православную веру» идет упоминание «князя Михаила и княгини его Елены». Р.В. Зотов, опубликовавший синодик, затруднялся в точном отождествлении этого князя с известными по родословцам лицами, хотя и указывал, что по его помещению в синодике непосредственно за св. Михаилом Всеволодичем он должен быть очень близок к последнему, может быть даже его братом или сыном. Второе предположение, на его взгляд, кажется более вероятным и может быть соотнесено с князем Мстиславом (Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 25, 68–69). Тем самым выясняется, что Мстислав был не сыном, а внуком св. Михаила Черниговского. При составлении родословца два стоявших рядом Михаила были спутаны и объединены составителем в одно лицо.

Другой спорной проблемой в отечественной историографии является вопрос – каким образом на брянском столе вместо князей черниговского дома оказались их смоленские сородичи в лице князя Василия Александровича. В частности А.А. Горский связывал эту перемену с борьбой двух партий – Ногай и Тохты в Орде. Но, думается, речь должна идти о том, что смоленские князья получили брянские земли в качестве приданого. Диссертант не исключает этой возможности, приводя пример Федора Ростиславича Смоленского, женившегося на ярославской княжне, и в итоге получившего Ярославль (С. 295).

Представляется интересным рассмотрение диссертантом упоминание в Любецком синодике князя Олега Романовича Брянского, жившего на рубеже XIII–XIV вв. и «оставившего дванадцать темь людей». (Зотов Р.В. Указ. соч. С. 26, 82–86). В современной историографии преобладает точка зрения, восходящая к А.Н. Насонову, что после монгольского нашествия Русь была разделена завоевателями на отдельные «тьмы». В соответствии с этим мнением А.А. Майоров полагает, что под «тьмами» следует понимать отдельные уделы Брянского княжества: «Брянский, Карачевско-Козельский, Глуховско-Новосильский, Воргольский, Липовицкий, Курский, Рыльский, Черниговский городской и пригородный, Стародубский, Трубчевский, Новгород-Северский» (С. 299). В качестве сравнения он приводит летописное известие о том, что суздальский князь Дмитрий Константинович, занимавший владимирский великокняжеский стол, получил «великое княжение и 15 тем», под которыми подразумевает собственно Владимирское, Суздальское, Ростовское, Переяславль-Залесское, Юрьевское, Углицкое, Ярославское, Белозерское, Стародубское, Нижегородское, Дмитровское, Московское, Тверское, Галицкое и Костромское княжества (С. 299).

Между тем, возможно иное объяснение. Известно, что между землями Орды и русскими княжествами лежала широкая полоса незаселенной земли. Ожесточенная грызня в Орде за ханский престол выбрасывала за ее пределы царевичей

и вельможей, потерпевших поражение в этой борьбе. Вместе с ними бежали их сторонники. Вся эта масса оседала между русскими княжествами и Ордой, создавая ту буферную зону, которую уже в XV в. назовут «украиной». Русские и литовские князья охотно принимали выходцев из Орды, предоставляя им на правах автономии свободные земли, справедливо полагая, что могут использовать их в качестве заслона против татарских набегов. Проведенный нами анализ показал, что все «тѣмы», подчинявшиеся владимирскому великому князю лежали в этой буферной зоне (Аверьянов К.А. Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. М., 2018). То же относится и к Брянскому (ранее Черниговскому) княжеству, издавна контролировавшему пограничные земли – выше уже приводилось известие новгородского летописца о «ряде» Ярослава Мудрого, выделившего Святославу «Черниговъ и всю страну вѣсточную». На наш взгляд, перечень 12 тем можно найти в ярлыке 1506–1507 гг. крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду, где названы следующие «тѣмы»: Киевская, Владимирская (Владимира-Волынского), Великого Луцка, Смоленская, Подольская, Каменецкая, Браславская, Сокальская, Черниговская, Курская, «Сараева сына Еголтаева» – всего 11 «тем». Кроме того, здесь упоминается Тула, где также сидели татары. (Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. № 6).

В XIV в. Брянск становится местом соперничества Литвы и Москвы, результатом которой в итоге стала победа литовского влияния. Этому, как отмечает автор, предшествовал «фактический распад к тому времени прежнего большого Брянско-Черниговского княжества» (С. 320). На наш взгляд, во многом это произошло благодаря тому, что Брянск являлся владением не одного конкретного князя, а совместным владением представителей брянской княжеской ветви (подобно тому, как это известно по источникам в Москве, Ростове, Рязани). Такая свойственная для русского средневековья расщепленность власти привела к тому, что соседям удавалось кусочек за кусочком присоединять к себе брянские владения. В итоге титул великого князя достается новосильским князьям, а после разгрома Новосила татарами в 1375 г. перемещается в Одоев (С. 387). При этом автор отмечает причудливость правового статуса верховских князей, служивших в зависимости от обстоятельств то одному, то другому сюзеру: с одной стороны, не снимая с себя вассалитета в отношении Орды, они признают себя вассалами Литвы, которая также получала ордынские ярлыки (С. 351, 359).

Особую ценность в исследовании представляет характеристика отдельных верховских княжеств, сопровождаемая картографическим материалом.

Пятая глава диссертационного исследования посвящена вхождению верхнеокских земель в состав Российского государства в конце XV–XVI в. Автор справедливо ее связывает с ликвидацией удельных особенностей региона. Важен вывод, что при этом верховские князья получали статус «государевых слуг», что формально ставило их выше старомосковского боярства, но фактически они не принимали участия в реальном управлении страной, поскольку не были членами Боярской думы, не назначались наместниками, не участвовали в дипломатических переговорах (С. 481). Все это довольно быстро привело к тому, что верховские земли к началу XVII в. превратились в обычный регион Московского государства.

Оценивая диссертационное исследование А.А. Майорова в целом, нужно признать, что им был дан редкий для современной отечественной науки очерк истории региона на протяжении нескольких столетий, с глубокой древности до начала XVII в. Высказанные в отзыве замечания имеют частный и к тому же

дискуссионных характер и ни в коей мере не меняют общую, высокую оценку представленной диссертации. Перед нами законченное, профессиональное научное исследование, подводящее итог работы автора над обширной и важной темой, которое можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное значение. Материал, собранный автором, результаты его диссертационной работы будут, несомненно востребованы коллегами.

Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, обоснованы и достоверны. Содержание опубликованных работ и автореферата соответствует основным положениям диссертационной работы.

Диссертация Анатолия Александровича Майорова «Социально-политическая история Верхнеокского (Верховского) региона с VIII до середины XVI в.» соответствует требованиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, согласно пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства России от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции Постановления Правительства России от 11.09.2021 г. № 1539), а ее автор, Майоров Анатолий Александрович, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института российской истории Российской академии наук

Аверьянов Константин Александрович

«26» июля 2022 г.

Инициалы: *Аверьянов К.А.* Достоверно
Начальник отдела кадров Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института российской истории Российской академии наук
26 июля 2022

Контактные данные

Тел. 8-916-844-46-25, e-mail: histgeogr@yandex.ru

Специальность, по которой защищена диссертация:

07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Адрес места работы:

Российская Федерация, 117292, г. Москва,

Ул. Дм. Ульянова, 19 ФГБУН Институт российской истории РАН

Тел. (499) 126-94-49

E-mail: iriran@mail.ru